

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2023.1.192

ПОГРАНИЧНОЕ СОСТОЯНИЕ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ГУСЕВ»

Ю. В. Воронина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

В статье рассматриваются различные формы переходных состояний человеческой жизни в произведении А.П. Чехова «Гусев». Между жизнью и смертью мы видим особое состояние, когда иллюзия и реальность переплетаются, становятся единым целым. Перед глазами читателя проносятся сюжеты человеческих жизней, в которых главенствует неопределенность. Именно её мы и подвергаем анализу.

Ключевые слова: *цикличность, неопределенность, пограничное состояние, жизнь и смерть в произведениях Чехова.*

Введение

Чехов – не только певец обыденности, но и исследователь её пограничных состояний между явью и кажимостью, добром и злом, жизнью и смертью. В известном смысле и жизнь человека, и сама история изобилует пограничными состояниями, не укладывающимися в непрерывную эволюцию индивида и общества. Поэтому анализ поля неопределённости всегда актуален как в литературоведении, так и в истории. Рассказ изучался в плане воплощения, социальных противоречий (Г. А. Бялый), образа автора (В. Б. Катаев), сравнительной танатологии (Н. И. Сухих), мифопоэтики (Р. Б. Ахметшин, Ю. В. Доманский), хронотопа (А. Ю. Антонец, Н. Е. Разумова), общепhilosophических категорий (Р. Е. Лапушин), преломления пушкинских традиций (Н. В. Капустин). Все эти аспекты тесно переплетены и экзистенциальный порядок проблем, поднимаемых автором, хорошо охарактеризовал Г. А. Бялый, говоря, что в видениях Гусева, в его «пугающих символах отражается и бессмыслица жизни Гусева, и всеобщая жуткая бессмыслица существования» [2, с. 191].

Пограничное состояние – это нахождение одного или нескольких персонажей между жизнью и смертью, между бытием и небытием. Взаимодействие действительности и иллюзий в этом состоянии особенно интересно. Ещё Н. И. Сухих в своих исследованиях замечал, что персонажи произведений Чехова достаточно часто оказываются в подобном положении [10]. Следовательно, детальный разбор даже одного произведения с этой точки зрения будет полезен для всего корпуса чеховедения в целом.

© Воронина Ю. В., 2023

Цель статьи – раскрытие взаимодействия кажимости и реальности в образах действующих лиц рассказа, когда они оказываются у финальной точки бытия. Их положение описано с использованием методов «нечёткой логики», по законам которой «утверждения могут быть в какой-то степени истинны, а в какой-то ложны» [8, с. 39]. Идеи многозначной логики, исходящие ещё от Аристотеля, в XX веке были подхвачены Н. Васильевым, Я. Лукасевичем, А. Гейтингом, Э. Постом, что нашло отражение в работе В.С. Воронина «Логико-математические методы в истории и литературоведении» [3].

Исследование и его результаты

В рассказе, названном фамилией главного героя, мы встречаемся с тремя людьми, находящимися в пограничном состоянии между жизнью и смертью. Показаны тяжелобольные Гусев и его сосед Павел Иванович, трое неунывающих картёжников: матрос, полулежащий на кровати, и два солдата, расположившиеся на полу «в самых неудобных позах» [13, с. 330]. Кажется, им-то уж ничто не грозит. Правда, у одного из солдат повязка на правой руке, и ему не очень удобно играть. Жизнь опрокидывает кажимость. Первым умирает солдат Степан, ничем не обнаруживающий свою болезнь и встречающий смерть во время игры в карты. И первые признаки конца носят карточный характер: стал путать карточные масти, ошибаться в счёте, уронил карты. До последней минуты он не верит в свою смерть. Последние слова его: «Я сейчас, братцы...» [Там же, с. 331]. То есть, сейчас приду в себя, и вернусь в игру. За горизонтом видимости оказывается возвращение в игру. Не приближение смерти он почувствовал, а необходимость отдыха. Он вообще уверен в том, что жизнь продолжается.

Вторым умирает вечный протестант Павел Иванович. Расхождение кажущегося и реального в самом Павле Ивановиче дано в духе резкого контраста внешнего вида и внутреннего содержания. Одноликость смертельной болезни превращается в многоликость социального статуса: «Лицо у него серое, нос длинный, острый, глаза, оттого что он страшно исхудал, громадные; виски впали, борода жиденькая, волосы на голове длинные... Глядя на лицо, никак не поймешь, какого он звания: барин ли, купец, или мужицкого звания? Судя по выражению и длинным волосам, он как будто бы постник, монастырский послушник, а прислушаешься к его словам – выходит, как будто бы и не монах» [9, с. 329]. Неспокойный и непокорный Павел Иванович до глубины души возмущён существующим порядком вещей и явлений. Он само олицетворение протеста, и кажется сам себе великим мятежником: «И я непобедим, никакая испанская инквизиция не может заставить меня замолчать. Да... Отрежь мне язык – буду протестовать мимикой, замуравь меня в погреб – буду кричать от-

туда так, что за версту будет слышно, иль уморю себя голодом, чтоб на их чёрной совести одним пудом было больше, убей меня – буду являться тенью» [13, с. 333]. Исчезновение языка, свободы, самой жизни приводит к противоположному результату – к усилению протеста ($A = \text{не-}A$). Любопытно, что Павел Иванович, считающий, что человеческая жизнь не повторима, настаивает здесь на возможности её повторения хотя бы в качестве призрачной тени, осуществляющей своё возмездие, что заставляет вспомнить смиренника Акакия Акакиевича из гоголевской «Шинели», по смерти своей превратившегося в мстителя. Только в отличие от гоголевского персонажа Павел Иванович не изменяет своему призванию протестанта ни в этой жизни, ни в предполагаемой последующей. Но и этому несгибаемому протестанту для отъезда на пароходе приходится притвориться человеком из простонародья, мужиком, то есть, по его словам, «хамом». При выдаче билета главным оказывается не платежеспособность пассажира, а то, кем он кажется: «Если же ты в пиджаке и хоть издали похож на барина или на буржуа, то изволь ехать в первом классе» [Там же, с. 332]. В художественном мире Чехова «ряжение, иллюзия – надёжные способы обороны от малопонятной действительности, которая заставляет героя ежедневно решать десятки проблем» [7, с. 114]. К переодеванию вынужден прибегнуть и Павел Иванович, слиться внешним образом с той массой, которую он презирает: «Надел я чуйку и большие сапоги, соорил хамскую рожу и иду к агенту: «Давай, говорю, ваше высокоблагородие, билетикко...» [9, с. 332]. При этом он хорошо понимает, что поедет дешёвым билетом, но в непривычных для себя условиях, но ему кажется, что он всё это преодолет.

Точно так же в духе своего непреклонного характера он трактует ухудшение своего положения как улучшение ($A = \text{не-}A$). До критических дней он мог только сидеть, потому что лёжа задышался. И вот оказалось, что он не может уже сидеть, а только задыхается лёжа, понятно, что это приведёт к скорой смерти, и Гусев спрашивает: «Вам нехорошо?» А находящийся при смерти в состоянии самообмана или самовнушения с паузами, задыхаясь отвечает: «Ничего, даже, напротив...лучше... Видишь, я уже и лежать могу... Полегчало» [13, с. 334].

Е. Б. Тагер пронизательно заметил, что «подлинно идеальный герой был недоступен Чехову» [11, с. 32], в отличие от известного идеального героя Горького. Однако приводимые им примеры горьковских образов: Павла Власова, Кутузова, Ленина идеальны лишь с точки зрения идеализации определённого мирозерцания. С точки зрения народнического миропонимания наиболее близким к идеалу оказывается третий участник битвы с судьбой, свидетель двух предыдущих смертей, главный герой рассказа. Чехов ставил вопрос шире: определённым является только отрицательный полюс бытия, средняя норма положительный

полнос теряются в неопределённости: «Норма мне неизвестна, как неизвестна никому из нас. Все мы знаем, что такое бесчестный поступок, но что такое честь – мы не знаем» [13, с. 186]. Это отчётливо выделенные три ступеньки истинности: бесчестие – норма – честь. Как подчёркивает В. Страда: «“Основная ситуация” чеховского рассказа неизбежно остаётся неопределённой, являясь отказом от чего-то, что дано, и поисками чего-то, что дано быть не может в жизни, знающей отклонения, но не “норму”» [9, с. 69].

С главным героем рассказа происходит своеобразная художественная инверсия бытия и кажимости, реальности и иллюзии. В начале рассказа герой вспоминает о том, как солдат рассказывал ему о громадной рыбе, способной проломить днище пароходу. Изначально сам Гусев поглощён чревом парохода, там он смертельно заболевает и именно там кончает свои дни. Как раз перед смертью он с помощью солдата с повязкой выбирается на палубу, на последнее свидание с открытым миром, и здесь, на фоне упорядоченного неба и хаотических волн, признаётся, что «ничего страшного нету» и что по приказу офицера готов «ехать за сто вёрст в море рыбу ловить» [13, с. 337]. Впрочем, тут же оказывается, что страшное всё-таки есть. Умирать страшно. Но страшно не само по себе, а из-за того, что не сможешь помочь родным людям. Переход живого Гусева в мёртвое тело сопровождается новой инверсией: бывший ловец оказывается пойманным большой рыбой. Телу Гусева не суждено достигнуть дна. Эта участь уготована тяжёлому железному колоснику, выскользнувшему из парусины и успевшему ударить акулу по боку. Человек, его участь оказывается предрешённой и творением собственных рук, и природой. Автор подчёркивает противостояние людей и машины, природы и парохода: «У моря нет ни смысла, ни жалости. Будь пароход поменьше и сделан не из толстого железа, волны разбили бы его без всякого сожаления и сожрали бы всех людей, не разбирая святых и грешных. У парохода тоже бессмысленное и жестокое выражение. Это носатое чудовище прет вперед и режет на своем пути миллионы волн; оно не боится ни потемок, ни ветра, ни пространства, ни одиночества, ему всё нипочем, и если бы у океана были свои люди, то оно, чудовище, давило бы их, не разбирая тоже святых и грешных» [Там же]. Так и океан заглатывает мертвецов с парохода: играющего в карты солдата, вечного протестанта Павла Ивановича, и самого простодушного Гусева, чья болезнь и финальный полёт в море прослежены с подробностями, внушающими живому человеку тихий ужас. Только то, что Гусев уже мёртв, делает эту сцену менее жестокой.

Появляется огромная рыба и лениво обедает мёртвым телом бессрочноотпускного солдата. Таким образом, внешняя по отношению к пароходу, внутренняя иллюзия героя становится внешней реальностью

для уже мёртвого солдата: его поглощает акула, разрывая парусину, в которую зашито его тело. Иллюзорный утешительный мир – царствие небесное представляется достижимым даже для вечного бунтаря Павла Ивановича. Два главных героя в рассказе представляют собой полярно противоположные типы характеров. Смиренник Гусев полагает, что если быть послушным, жить по правилам, то ничего страшного на свете нет. Да и помирать ему не страшно, а жалко из-за того, что не сумеет помочь своей семье.

Несомненно, есть доля истины в словах А.Н. Чанышева, что все эти формы общественного сознания всего лишь «различные, до сих пор неосознанные способы заклания небытия» [12, с. 243]. Как полагает В. Днепров, «Философская позиция Чехова сказывается в его творчестве именно тем, что религия как насущное и очередное в нём больше не присутствует» [5, с. 96].

С другой стороны и пароход, на котором плывут люди, представлен собой как безжалостная машина, готовая сокрушить природу и стать не ковчегом, а местом гибели людей. Перед нами две крайности логика условных и безусловных рефлексов в мире животных, логика однозначно заданного курса парохода и люди, живущие между этими крайностями, находящиеся между жизнью и смертью. В письме Суворину от 9 декабря 1890 г. Чехов пишет: «По пути в Сингапур бросили в море двух покойников. Когда глядишь, как мертвый человек, завороченный в парусину, летит, кувыркаясь, в воду, и когда вспоминаешь, что до дна несколько верст, то становится страшно и почему-то начинает казаться, что сам умрешь и будешь брошен в море» [14, с. 140]. Что способствует появлению этой кажимости? Сам полёт человека, завёрнутого в кокон парусины, и очень большое расстояние до дна, то есть до земли, лежать в которой или на которой более или менее обычно. Происходит как бы перевоплощение созерцателя в мёртвого человека, но, тем не менее, имеющего живые чувства и ощущающего всё происходящее с ним. В самом художественном тексте так же подчёркнута глубина, и возможность каждого быть брошенным за борт, живое и мёртвое соприкасаются, вода превращается в одежду: «Пена покрывает его, и мгновение кажется он окутанным в кружева, но прошло это мгновение – и он исчезает в волнах» [13, с. 338]. Но главному герою рассказа не суждено добраться до дна, по пути его перехватывает акула. А в это время океан потрясающе красив, а облака напоминают арку, льва и ножницы. Великое безмолвное ничто представляет собой в рассказе океан. Правда, он полон жизни, он весь светится красками великолепной природы, но это античеловеческая жизнь: «А наверху в это время, в той стороне, где заходит солнце, скучиваются облака; одно облако похоже на триумфальную арку, другое на льва, третье на ножницы... Из-за облаков выходит широкий зеленый луч и протя-

гивается до самой середины неба; немного погодя рядом с этим ложится фиолетовый, рядом с ним золотой, потом розовый... Небо становится нежно-сиреневым. Глядя на это великолепное, очаровательное небо, океан сначала хмурится, но скоро сам приобретает цвета ласковые, радостные, страстные, какие на человеческом языке и назвать трудно» [Там же, с. 339]. Формы облаков имеют, конечно, символический смысл. Первые два можно истолковать как триумф человека над природой, а последнее из облаков заставляет вспомнить одну из древнегреческих Мойр, перерезающих нить судьбы. Характеризуя сборник «Палата № 6», куда вошёл рассказ «Гусев», Б.В. Аверин видит в прекрасном описании океана и неба «что-то намекающее на присутствие гармонии в жизни людей и мира» [1, с. 333]. Однако безлюдная гармония общего мрачного колорита произведения оставляет для его немногочисленных персонажей настолько тонкий намёк на гармонию в их возможной смерти, что он почти незаметен. И.А. Дмитриева, называя рассказ страшным, видит в его финале один из примеров «очистительного возвышающего душу катарсиса – главного нерва поэтики Чехова» [4, с. 31]. А В.Б. Катаев полагает, что «в прямом авторском слове, которым заканчивается рассказ, две силы выступают на сцену – это равнодушие смерти и величие природы». Некоторый же оптимизм возможен, поскольку «жизнь других продолжается, а пароход всё так же идёт в океане» [6, с. 252]. Но умерли и брошены в океан основные персонажи, а жизнь живых под угрозой, ибо каждый может оказаться на их месте. Человек оказывается между природой и второй природой, сотворённой им самим. В положении между ними проигрышными оказываются позиции и игрока, живущего только настоящим, и преобразователя мира, ориентированного на будущее, и смиренного, адаптирующегося к изменившимся условиям.

Список литературы

1. Аверин Б.В. Сборник «Палата № 6» // Сборники А.П. Чехова. Ленинград: Ленинградский государственный университет, 1990. С. 97–108.
2. Бялый Г.А. Антон Чехов // История русской литературы: В 4 т. Т. 4. Ленинград: Наука, 1983. С. 191–192.
3. Воронин В.С. Логико-математические методы в истории и литературоведении. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2009. 360 с.
4. Дмитриева И.А. Долговечность Чехова // Чеховиана: Статьи, публикации, эссе. Москва: Наука, 1990. С. 19–40.
5. Днепров В.Д. Об атеизме Чехова // Днепров В.Д. С единой точки зрения. Ленинград: Советский писатель, 1989. С. 64–96.
6. Катаев В.Б. Автор в «Острове Сахалине» и в рассказе «Гусев» // В творческой лаборатории Чехова. Москва: Наука, 1974. С. 235–255.

7. Кройчик Л. Е. Поэтика комического в произведениях А. П. Чехова. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1986. 276 с.
8. Прозоров В. В. Феномен «нечёткой логики» в литературоведческих исследованиях // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах. Материалы международной научной конференции. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. С. 39–43.
9. Страда В. Антон Чехов // История русской литературы: XX век. Серебряный век Москва : Прогресс–Литера, 1995. С. 48–75.
10. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова / Санкт-Петербургский гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2007. 492 с.
11. Тагер Е. Б. Горький и Чехов // Избранные работы о литературе. Москва : Советский писатель, 1988. С. 22–98.
12. Чанышев А. Н. Трактат о небытии // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 158–165.
13. Чехов А. П. Гусев // Полное собрание сочинений и писем : В 30 т. Т. 7. Москва : Наука, 1985. С. 327–339.
14. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : В 30 т. Письма : В 12 т. Т. 4. Москва : Наука, 1976. 656 с.

BORDERLINE STATE IN A. P. CHEKHOV'S STORY "GUSEV"

Yu. V. Voronina

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article discusses various forms of brain transition in the work of A. P. Chekhov "Gusev". Between life and death, we see a special state when illusion and reality intertwine, become a single seal. Before the eyes of the reader, the plots of real lives appear, in which uncertainty is embraced. This is what we present to the analysis.

Keywords: *cyclical, uncertainty, borderline state, life and death in Chekhov's works.*

Об авторе:

ВОРОНИНА Юлия Владимировна – аспирант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (119991, Москва, ул. Ленинские Горы, 1), e-mail: julvoronina@mail.ru.

About the author:

VORONINA Yulia Vladimirovna – Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University (119991, Moscow, Leninskie Gory str., 1), e-mail: julvoronina@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2023 г.

Дата подписания в печать: 27.02.2023 г.